

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДА В РУССКИХ ПЕРФОРМАТИВАХ

С. Ю. ИВАНОВ

1. Исследование вида в сфере перформативов.

Перформативом мы называем предложение, содержащее в своем составе предикат, называющий действие, которое осуществляется высказыванием данного предложения. Например:

(1) **Прошу** вас минутку помолчать (М. Булгаков).

Словоформа *прошу* называет действие, осуществляемое произнесением данного предложения.

В статье «О субъективности в языке» Бенвенист, подчеркивая антропоцентрический характер перформативности, указывал: «*я клянусь* является формой с особой значимостью, поскольку она налагает на произносящего «я» реальность клятвы... Это следствие того, что единовременный акт речи, содержащий глагол, утверждает действие одновременно с созданием субъекта действия» [Бенвенист 1974: 299–300].

Исследование перформативности шло двумя путями. Более известный начался с издания лекций Остина в начале 1960-х и связан с разработкой теории речевых актов [Остин 1999: 13–135]. Другим путем, менее известным, является исследование перформативного употребления глагола с точки зрения славянского вида и времени. Первопроходцем этого пути традиционно считается Эрвин Кошмидер, называвший перформативность *коинциденцией*. Правда, сам Кошмидер в вопросе перформативности ссылается на более ранние статьи других авторов, не имеющие широкого хождения в среде аспектологов-русистов. Прежде всего это статья Станислава Шкрабеца «К вопросу об употреблении глаголов СВ и НСВ в словенском языке» [Škrabec 1903]. Очевидно, это первая работа о перформативном употреблении глагола, изданная в авторитетном международном журнале.

Шкрабец называет перформативное употребление термином *Praesens effectivum* — *настоящее действия*. По внутренней форме термин похож на performative Остина. Шкрабец пишет:

«о настоящем времени, которое не только называет действие, но одновременно и выполняет его посредством произнесения соответствующего глагола... Произнесением слов *благодарю, обещаю, клянусь, прощаюсь* совершаются называемые действия; и хотя произнесение слова может требовать определенного, пусть даже и очень короткого времени, говорящий не думает об этом... — действие понимается как мгновенное. Примечательно, однако, то, что в большинстве славянских языков это мгновенное действие осуществляется произнесением формы настоящего НСВ» [Škrabec 1903: 555].

Шкрабец считал, что словенский язык составляет исключение из славянских языков, так как в нем перформативно употребляется в основном СВ. Он приводит исторические и семантические аргументы в пользу исконности перформативного СВ в словенских памятниках и живой речи.

В 1906 с критикой Шкрабеца выступил в том же «Архиве славянской филологии» Йозеф Менцей. Его статья называется «К вопросу о настоящем времени глаголов СВ в словенском» с подзаголовком *Praesens effectivum* [Mencej 1906]. Если Шкрабец в своей работе рассматривал различные случаи употребления вида, в том числе перформативное, то статью Менцея можно считать первой статьёй, полностью посвященной перформативности. Менцей не соглашается со Шкрабецом, считая нейтральным видом перформатива НСВ, а многочисленные случаи СВ относит к немецкому влиянию. Не вдаваясь в детали полемики, важно отметить, что уже в начале прошлого века шла дискуссия о видовом облике перформативов.

В последние годы появились исследования, датирующие начало перформативной проблематики еще более ранним временем. Название английского варианта книги Игоря Жагара и Матейки Гргич обыгрывает Остина: «How to do things with tense and aspect: Performativity before Austin» [Žagar, Grgič: 2011]. Согласно авторам, Шкрабец открыл перформативность в конце XIX в. и опубликовал свои соображения в малотиражном религиозном журнале «Цветы садов св. Франциска», который сам же издавал. По данным Жагара, Шкрабец печатал свои лингвистические изыскания даже не в самом журнале, наполненном нравоучительными письмами и молитвами, а на его обложке толщиной в папиросную бумагу. Публикации на тему перформативности продолжались в этом журнале параллельно с выше-названными статьями в «Архиве славянской филологии» до 1918.

Кошмидер впервые указывает на перформативность в книге 1929 г. «Временное отношение и язык». Автор не употребляет термина *коинци-*

денция, но цитирует Шкрабеца и Менцея, в том числе термин *эфектив* [Koschmieder 1971: 62–64]. Впервые термин *коинциденция* употреблен Кошмидером в статье 1930, название которой мы перевели бы как «Конкуренция темпоральной и аспектуальной систем в настоящем времени»: *Durchkreuzungen von Aspekt- und Tempussystem im Präsens* [Koschmieder 1930]. В этой статье на польском материале рассматривается употребление настоящего времени в трех значениях: настоящем историческом, настоящем пророческом и в перформативном значении, которое Кошмидер и называет коинциденцией. Именно эта статья, пересказанная в сокращенном виде, составила основу соответствующих разделов «Очерка науки о видах польского глагола» 1934, известного в русском переводе А. В. Бондарко [Кошмидер 1962].

У Кошмидера было оригинальное понимание славянского вида, в каком-то смысле производное от понятия времени. Кошмидер считал, что вид выражает временное направление действия, в самом абстрактном смысле слова. НСВ направлен из прошлого в будущее, а СВ — из будущего в прошлое. Перформативное употребление настоящего времени было для Кошмидера принципиально важно как единственный случай, в котором СВ возможен в чистом, неметафорическом настоящем. Действие происходит произнесением высказывания — поэтому оно подлинно настоящее — и сразу оказывается фактом прошлого — таким образом, оно соответствует направительному определению СВ. Поэтому Кошмидер разделял идеи Шкрабеца и поэтому же для Кошмидера было подлинной исследовательской проблемой то, что на деле в перформативах зачастую употребляется НСВ. Кошмидер объясняет перформативный НСВ двумя факторами.

Во-первых, НСВ является позднейшим явлением в сфере перформативности, вытеснившим исконный СВ под действием аналогии с другими употреблениями настоящего времени: «Кoineциденция представляет собой относительно редкое исключение в употреблении настоящего времени, которое (то есть настоящее время — *С.И.*) в подавляющем большинстве случаев... имперфективно. Ввиду подавляющего перевеса НСВ в настоящем времени легко может создаться впечатление, что любое истинное употребление настоящего должно быть в НСВ, и поэтому НСВ появляется даже в таком настоящем, где он неуместен, то есть в коинциденции» [Koschmieder 1930: 356–357].

Во-вторых, перформативный НСВ утвердился ввиду «разделения труда» между презентными формами НСВ и СВ, последняя из которых грамматикализовалась в значении будущего.

Кошмидер считает распространение перформативного НСВ результатом конфликта между видовой и временной системами в настоящем времени — конфликта, в котором перфективность была побеждена презентностью, а говоря шире, время победило вид. По сути, Кошмидер вводит понятие конкуренции внутри грамматической системы задолго до введения Матезиусом понятия конкуренции видов [Mathesius 1938]. Конкуренция Кошмидера глубже конкуренции Матезиуса. Во-первых, Кошмидер выдвигает мысль о том, что категории вида и времени могут работать друг против друга. Во-вторых, конкуренция систем вида и времени разворачивается у Кошмидера как бы на грани между диахроническим и синхроническим описанием грамматики. В иллюстрировании этой конкуренции важную роль играет перформативное употребление глагола.

Перенесенные в советское языкознание, идеи Кошмидера о видо-временном оформлении перформативного высказывания претерпели методологическое преломление. Так, М. А. Шелякин, рассматривая разные случаи конкуренции русских видов, пользуется идеей Кошмидера о перфективном характере коинциденции, однако добавляет к ней идеи функциональной грамматики, указывая, что форма *попрошу*, в отличие от синонимичной *прошу*, сохраняет оттенок связи с будущим или просто модальный оттенок желания, необходимости и т.п. [Шелякин 1976: 58]. Эти идеи усиливаются в «Теории функциональной грамматики» под редакцией А. В. Бондарко [ТФГ 1990: 34–38]. Такие языковые факторы, как перформативное употребление, с одной стороны, и футуральное значение глагольной словоформы, с другой, которые в концепции Кошмидера находятся во взаимоисключающей конфронтации, в советской функциональной грамматике мирно сосуществуют.

По сравнению с аспектологическими исследованиями перформативности первой половины XX в., в советской аспектологии второй половины века произошел еще один сдвиг. В первой половине века, у Шкрабеца, Менцея и Кошмидера, грамматической константой исследования было настоящее время. Вид был переменной. В позднесоветской аспектологии ситуация изменилась: в исследованиях видо-временного значения перформативности основную роль стала играть так называемая каноническая форма перформатива I лица единственного числа настоящего времени НСВ, ср. (1), то есть исследовательская база перформативности в ее видовом аспекте была сужена. Произошло это, очевидно, потому, что в первой половине XX в. совмещение настоящего времени с СВ было вопросом, более открытым для обсуждения, чем сейчас. В южнославянских языках СВ имеет настоящее время, правда требующее для своего употребления кон-

текстной детерминации. Свою роль в указанном сдвиге сыграло и то, что советские аспектологические исследования перформативного употребления были строго синхроническими и в основном ориентированными на русский язык, где настоящее время автоматически означает НСВ. Эти исследования были лишены сравнительно-исторической рамки, более свойственной исследованиям первой половины XX в.

Современная аспектуальная русистика в описании перформативного значения исходит из перформативности как темы и рематически интерпретирует ее связь с видом и временем, в том числе будущим, пытаясь включить перформативное значение в круг частных значений вида и времени. Либо перформативное значение объявляется перфективным, хотя оно и выражается формой настоящего НСВ, либо оно провозглашается «и точечным, и процессуальным одновременно» — эти две точки зрения последовательно высказаны Ю. Д. Апресяном [Апресян 1980: 39; Апресян 1995: 240]. Е. В. Падучева называет видовое значение перформативов *завершенным* и *синхронным* [Падучева 1996: 165]. Й. Крекич в одном месте говорит об *актуально-фактическом* значении перформативных глаголов [Крекич 2002: 43–44], в другом, следуя идеям Кошмидера, характеризует время перформативного употребления как *настоящее ретроспективное* [Krékits 2004: 52]. При всей эффектности указанных обозначений они мало что добавляют к уже имеющимся сведениям о перформативном употреблении, представляющем собой нечто особенное.

2. Роль вида в русских перформативах.

Попробуем сформулировать альтернативный подход к описанию вида в русских перформативах. На протяжении XX в. объектом исследования видо-временной специфики перформативов была однословная синтетическая форма глагола — простого глагольного сказуемого перформативного предложения. Эта форма прямо или косвенно считалась носителем перформативного значения как частного видового или временного значения глагола. На наш взгляд, неправомерно столь тесно привязывать перформативность к словоформе. Носителем перформативного значения является не словоформа, а предложение целиком. Глагольная форма, называя действие, осуществляемое высказыванием данного предложения, выполняет перформативную функцию на уровне предложения и высказывания. Однако без полного предложения говорить о перформативности невоз-

можно. Вид участвует в выражении перформативности не прямо, а опосредованно.

Роль вида в выражении перформативного значения удобно пояснить сравнением этого значения с частновидовыми значениями глагольных форм. Последние образуются путем взаимодействия общего значения СВ или НСВ (если таковое признается), носителем которого является видовая форма, с контекстом. Носителем частновидового значения, пусть и опосредованно, через контекст, тоже признается словоформа. Напротив, в выражении перформативного значения, носителем которого является предложение (высказывание), глагольная словоформа, является, с одной стороны, лишь частью плана выражения этого значения, а с другой — одним из контекстных факторов, обуславливающих это выражение, то есть способствующих или препятствующих ему.

Например, если в предложении:

- (1) **Прошу** вас минутку помолчать (М. Булгаков)

Заменить *прошу* на *я просил / попросил*, то полученное предложение *Я просил / попросил вас минутку помолчать* будет не перформативным, а дескриптивным, то есть не самой просьбой, осуществляемой произнесением предложения, а описанием просьбы, имевшей место в прошлом. В данном случае принципиально различие во времени: настоящее способствует выражению перформативности, прошедшее — нет. Однако ни различия частновидовых значений, ни общесемантические различия СВ и НСВ роли здесь не играют.

Возможна другая ситуация, в которой различия между видами не влияют на выражение перформативности, одинаково благоприятствуя ей. Так, помимо НСВ настоящего времени *прошу* в (1) свободно употребляется в перформативной функции СВ будущего времени *попрошу*:

- (2) **Попрошу** всех перевести часы (В. Сорокин).

Помимо вида (1) и (2) различаются временем, но это не влияет на выражение перформативности. Перформатив может «отклоняться» от канонической формы и по признаку наклонения, причем видовые различия и в этом случае могут не играть роли:

- (3) **Я бы попросил** вас побыть еще здесь (Л. Толстой).
(4) **Я бы просил** вас оставаться в рамках исполнения своих обязанностей (Л. Толстой).

Возможна ситуация, в которой видовые различия оказываются решающими для выражения перформативности при тождестве остальных грамматических признаков.

- (5) *Укажем еще на то, что в языке постоянно происходят переходы отдельных слов из местоименных в неместоименные и обратно (А. Пешковский).*

При замене в данном примере будущего СВ *укажем* на НСВ *будем указывать* перформативность утрачивается.

Сказуемое перформативного предложения допускает широкое формальное варьирование. Ограниченность исследований XX в. в области видо-временного значения перформативного глагола проявлялась в том, что их объектами были две формы: настоящее НСВ, например *прошу*, и настояще-будущее СВ, например *попрошу*. Что касается исследований перформативного употребления видо-временных форм на материале русского языка, то несмотря на декларируемую разницу между категориями вида и времени, в интерпретации перформативного употребления эти категории шли рука об руку, поскольку в рамках простого индикативного глагольного сказуемого вид рассматривался как средство выражения времени.

Однако, как показано выше, вариативность перформативного предиката может переступать рамки не только времени, но и наклонения. В примерах (3) и (4) с сослагательным наклонением нет морфологического времени, но при этом выражен вид. Соответственно, вид может выражаться в перформативах отдельно от времени. На самом деле фактов такого выражения в русском языке довольно много. Приведем примеры перформативов с составным сказуемым:

- (6) *Теперь **хочу** убедительно **попросить** читателя не издеваться надо мной и над помутнением моего разума (В. Набоков).*
- (7) *Еще я **хотел** вас **попросить**, чтобы эта сделка осталась между нами,— говорил Чичиков, прощаясь (Н. Гоголь).*
- (8) *Но я **хотел бы** **просить** вас,— продолжал игемон,— если вам предложат перевод отсюда с повышением, отказаться от него и остаться здесь (М. Булгаков).*
- (9) ***Позвольте** вас **попросить** расположиться в этих креслах (Н. Гоголь).*
- (10) *Переходя к повелительному наклонению, мы **должны отметить**, что специальные оттенки создаются в нем исключительно интонационными средствами (А. Пешковский).*
- (11) *А **можно** у вас журнальчик **попросить**? (В. Сорокин).*

В примерах (6)–(11) собственно перформативной является лишь вторая часть составного сказуемого, в то время как первая представляет собой модальный предикат, который может быть либо глаголом (*хотеть*, *позволить*), либо кратким прилагательным (*должен*), либо безличным предикативом (*можно*). В случае глагольного выражения модальная часть сказуемого может иметь свои морфологические время, наклонение и вид, слабо влияющие на перформативный статус высказывания. Вторая часть сказуемого представляет собой перформативный предикат, выраженный инфинитивом, который несет в себе лишь категории вида и залога. Таким образом, в данных примерах вид и время либо находят выражение в разных словоформах, как в (6), (7), либо, если модальный предикат не выражает морфологического времени, как в (8)–(10), составное сказуемое перформативного предложения морфологически выражает только вид.

Существуют составные перформативные предикаты, то есть такие, которые состоят из двух словоформ, каждая из которых представляет собой перформативную лексему и выполняет перформативную функцию. Такие перформативы встречаются в официальных документах:

- (12) **Постановляю освободить** Руцкого А. В. от должности вице-президента Российской Федерации (Указ Президента).

Обе части составного сказуемого, *постановляю* и *освободить*, перформативны: высказывание представляет собой как *постановление*, так и *освобождение от должности*. Основная цель высказывания и, соответственно, основной перформативный предикат в данном случае — *освободить (от должности)*. *Постановляю* указывает не столько на речевой акт, сколько на речевой жанр — президентский указ. Поэтому функция *постановляю* отчасти сближается с функцией модальных предикатов в примерах (6) — (11). В таких перформативах вид находит морфологическое выражение в двух перформативных словоформах, причем в одной из них это НСВ, а в другой СВ.

Вспомогательный характер *постановляю* в примере (12) подтверждается тем, что в массе президентских указов этот глагол отсутствует, а перформативный предикат, обозначающий цель указа, выступает независимо, в рамках инфинитивного предложения:

- (13) **Назначить** Геращенко Председателем Центробанка (Указ Президента).

Перформативность примеров (12) и (13) не определяется тем, зависит ли синтаксически перформативный инфинитив *назначить* от формы поста-

новляю или нет [Иванов 2005]. В обоих примерах этот инфинитив выражает вид, но не время.

Следует упомянуть возможность выражения перформативного предиката формой краткого страдательного причастия СВ:

(14) *Гусев Борис Владимирович. Вы арестованы* (В. Сорокин).

Существуют перформативные предикаты, морфологически не выражающие ни времени, ни вида. К ним относятся краткие прилагательные:

(15) *Я так благодарна вам, что вы пожелали меня видеть* (Л. Толстой).

(16) *Я вам глубочайше признателен, мадам* (М. Булгаков);

а также существительные:

(17) *Граждане! Просьба не шуметь!* (В. Сорокин).

(18) *Ну, в общем, есть предложение расстрелять Пискунова* (В. Сорокин).

Приведенные примеры показывают, что выражение вида в перформативах может быть различным:

- 1) Вид может выражаться в одной словоформе вместе со временем — в простом индикативном сказуемом.
- 2) Вид может выражаться в словоформе, отдельной от той, которая выражает время — в составном глагольном сказуемом с модальным глаголом в индикативе.
- 3) Вид может выражаться без времени — в составном глагольном сказуемом с модальным глаголом в неиндикативной форме, либо с неглагольной модальной частью, либо в инфинитивном предложении, либо в предложении с кратким страдательным причастием СВ.
- 4) Вид может выражаться дважды в двух разных словоформах, выполняющих перформативную функцию, как в случае составного перформативного предиката.
- 5) Вид может не выражаться вообще, как в случае именных сказуемых, номинативных и экзистенциальных предложений.

Приведенный обзор морфологических и синтаксических форм, в которых может выступать перформативный предикат, не только подтверждает высказанную ранее мысль о том, что категория вида имеет не прямое, а опосредованное отношение к выражению перформативности, но и свидетельствует о том, что в некоторых перформативах эта категория вообще не находит выражения. Имея возможность выражаться отдельно от кате-

гории времени, вид, помимо индикатива, представлен в инфинитиве, сослагательном наклонении, а в некоторых перформативах также в пассивных причастиях. Если перформативный предикат представлен глаголом, то вид выражен в нем всегда, между тем как время — не всегда.

На первый взгляд, предлагаемый подход допускает в сферу грамматических выразителей перформативности такое разнообразие форм, которое влечет за собой уничтожение самого вопроса о видо-временном значении перформативного глагола. Однако это не совсем так. Выше было показано, что вид и время представляют собой грамматические факторы выражения перформативности, работающие во взаимодействии с другими, прежде всего синтаксическими факторами и имеющие неоднородное проявление в различных формах перформативного предиката. Попробуем упорядочить совокупность этих форм в виде поля средств выражения перформативности и прояснить роль вида и времени в разных зонах этого поля.

1) Центром поля наиболее естественно признать каноническую форму I лица единственного или множественного числа настоящего времени НСВ (*прошу/просим*). Если перформатив представляет собой речевое действие, происходящее в самый момент произнесения предложения и посредством этого произнесения, то простое глагольное сказуемое в форме настоящего времени представляется наиболее подходящим для реализации перформативной функции, так как в этой форме данная функция распознается при наименьшей контекстной поддержке. В канонической форме способно реализовывать перформативную функцию большинство перформативных лексем.

2) К ближайшей периферии форм выражения перформативного предиката относятся формы будущего СВ (*попрошу*) и сослагательного наклонения (*попросил бы*). Перформативная функция в этих формах затемняется оттенками, связанными с основным значением соответствующих форм: будущего и нереального действия. Оставаясь в рамках простого глагольного сказуемого, перформативный предикат в данных формах успешно реализует перформативную функцию в минимальном контексте, однако это касается не всех лексем. Так, не выполняют перформативной функции в данных формах глаголы, обозначающие такие речевые акты, которые требуют юридического подчинения адресата говорящему. При возможности перформативного прочтения *Я попрошу/попросил бы вас остаться* невозможен перформатив *Я прикажу/приказал бы вам остаться*.

3) Дальнейшую периферию перформативного предиката представляют формы составного сказуемого, в котором собственно перформативная часть выражена инфинитивом, зависимым от модального предиката (*хочу*

попросить, должен сообщить, рад приветствовать). Такие формы допускают широкий спектр модальных оттенков, наслаивающихся на перформативную семантику [Fraser 1975]. «Наследуя» лексические ограничения на перформативность от предыдущей группы, формы составного сказуемого добавляют новые ограничения. Так, при возможности перформативного прочтения *хочу попросить* в перформативе, имеющем форму повествовательного предложения, невозможно *могу/можно попросить*, хотя возможно *могу предложить* и *могу посоветовать*. *Могу/можно попросить* получает способность выполнять перформативную функцию в вопросительном предложении, ср. (11). Это свидетельствует об усилении контекстной детерминации перформативного значения при движении от центральных форм перформативного предиката к периферийным.

4) Крайнюю периферию перформативного предиката составляют неглагольные формы: прилагательные (*благодарен*) и существительные (*просьба*). Они способны выполнять перформативную функцию лишь в очень ограниченном наборе лексем.

Как проявляется категория вида в поле средств выражения перформативного предиката? Общая картина такова: центр перформативности — НСВ, периферия — СВ. Вряд ли в канонической форме настоящего времени НСВ нужно искать семантическую специфику НСВ, употребляемого здесь облигаторно, по требованию настоящего времени. В канонической форме перформатива вид определяется временем, а не время видом. Однако в периферийных формах, где вид «освобождается» от времени, почти безраздельно господствует СВ. Исключение составляет лишь глагол *по/просить* — один из наиболее употребительных перформативных глаголов русского языка. Он достаточно свободно употребляется в НСВ в различных периферийных формах, ср. (8). Воздерживаясь от поисков особой перформативной функции СВ, равно как от поисков причин его употребления в семантике «однократности», «моментальности» или «завершенности», отметим, что картина распределения видов в перформативах интересна тем, что категории времени и вида работают как бы «друг против друга». СВ занимает практически все перформативное употребление глаголов кроме канонической формы, где правила устанавливает настоящее время и поэтому употребляется НСВ. Эта форма является центральной с точки зрения времени, а не вида. На фоне громадного большинства форм СВ каноническая форма НСВ выглядит не центром, а периферийным, позиционно обусловленным вариантом. СВ в этом многообразии форм выступает как нейтральный, а НСВ как контекстно обусловленный вариант выражения перформативности. Как только перформативность

выходит за пределы настоящего времени, нейтральный СВ восстанавливается. Центры видового и временного микрополей выражения перформативности не совпадают.

Структурно-грамматическое расширение материала перформативов косвенным образом подтверждает мысль Кошмидера о первенстве СВ в выражении перформативности. Данное объяснение позволяет по-новому взглянуть на идею Кошмидера о вытеснении СВ из «настоящего перформативного» под влиянием видо-временной организации западных и восточных славянских языков.

Литература

Апресян Ю. Д. 1995 — *Избранные труды, том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва.

Апресян Ю. Д. 1980 — Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений. *Восприятие языкового значения*. Калининград. С. 27–40.

Бенвенист Э. 1974 — *Общая лингвистика*. Москва. 1974.

Иванов С. Ю. 2005 — Перформативы в административных постановлениях. *Мысли о русском языке: Прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей к 155-летию кафедры русского языка СПбГУ (1849–2004)*. Санкт-Петербург. С. 120–123.

Кошмидер Э. 1962 — Очерк науки о видах польского глагола. *Вопросы глагольного вида*. Москва. С. 105–167.

Крекич Й. 2002 — Семантика и прагматика перформативных глаголов. *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*. Москва. С. 42–51.

Остин Дж. 1999 — *Избранное*. Москва.

Падучева Е. В. 1996 — Вид и время перформативного глагола. *Семантические исследования*. Москва. С. 161–166.

ТФГ 1990 — *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград.

Шелякин М. А. 1976 — Аспектуальное употребление глаголов сообщения в русском языке (К проблеме синонимии видов). *Филологические науки*. №3 (93). С. 56–64.

Fraser B. 1975 — Hedged Performatives. *Syntax and Semantics*. Vol. 3. Speech Acts. New York, San Francisco, London.

Koschmieder E. 1930 — Durchkreuzungen von Aspekt- und Tempusystem im Präsens. *Zeitschrift für slawische Philologie*. Band 7. S. 341–358.

Koschmieder E. 1971 — *Zeitbezug und Sprache*. Darmstadt.

Krékits J. 2004 — Zeitrichtung in der Bedeutung der russischen performativen Verben. *Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae*. Т.49, №1–2. Budapest. С. 45–52.

Mathesius V. 1938 — O konkurenci vidů v českém vyjadřování slovesném. *Slovo a slovesnost*. №4. S. 15–19.

Mencej J. 1906 — Zur Präsenfrage perfekter Verba im Slovenischen (Praesens effectivum). *Archiv für Slavische Philologie*. Band 28. S. 40–51.

Škrabec S. 1903 — Zum Gebrauche der Verba perfectiva und imperfectiva im Slovenischen. *Archiv für Slavische Philologie*. Band 25. S. 554–564.

Žagar I. Ž, Grgič M. 2011 — *How to do things with tense and aspect: Performativity before Austin*. Cambridge.

Источники

Булгаков М. А. — Мастер и Маргарита. *Собрание сочинений в 10 тт.* Т. 9. Москва, 1999.

Гоголь Н. В. — *Мертвые души*. Москва, 1988.

Набоков В. В. — *Лолита*. Ленинград, 1990.

Пешковский А. М. — *Русский синтаксис в научном освещении*. Изд-е 6-е. Москва, 1938.

Сорокин В. Г. — *Собрание сочинений в 2-х тт.* Москва, 1998.

Толстой Л. Н. — *Живой труп*. *Собрание сочинений в 20 тт.* Т. 11. Москва, 1963.

Указы Президента РФ — *Москва. Осень-93: Хроника противостояния*. Москва, 1995.